

Драко сменил приоритеты: теперь тайны коридора на четвертом этаже занимали его куда больше, чем квиддич. К слову, не без помощи своего любящего отца юный Малфой всё же пробился в команду. Декан Слизерина, не терпевший грубость этого спорта, в итоге уступил и рекомендовал Драко Дамблдору на место ловца. Тот, разумеется, согласился. Он спал и видел, что скрывается за люком, но страх перед трехговым псом удерживал его от опрометчивых шагов — и это, на мой взгляд, было просто замечательно. В итоге он принялся следить за «золотым трио», надеясь выведать информацию, но до сих пор не узнал ничего стоящего. Впрочем, разочарование быстро сменилось насмешками: Его забавляло, что Поттер и его друзья до самого Рождества так и не выяснили, кто такой Николас Фламель. Хотя, положив руку на сердце, я подозреваю, что он просто сам зашел в тупик и теперь хорохорится.

В конце концов, моё напоминание о том, что отец не спустит ему плохих оценок за экзамены, возымело действие. Драко вернулся к учебе. Я наконец-то перестал опасаться, что в один прекрасный день он в порыве безрассудства решит пойти на корм черберу. Повод для радости, не иначе. Снейп за это время еще несколько раз вызывал меня на отработки, но вел себя тихо — видимо, боялся, что я что-то заподозрю, и не решался на открытые провокации. Кроме того, из-за очередной крупной стычки Драко с Поттером я тоже оказался втянут в разборательства и получил «купон на бесплатный чай» в кабинете директора.

Старая пчела оказалась хитра. В той тошнотворно сладкой кружке медового чая не было Сыворотки правды — такая штука водится только у Снейпа, и Дамблдор вряд ли решился бы её просить. Однако пока я развлекал его пустой болтовней, он незаметно шевельнул палочкой под столом. Легилименция!

Я почувствовал резкую боль в мозгу и мгновенно понял, что происходит. Это искусство очень похоже на гендзюцу: оно так же вторгается в сознание, но делает это куда грубее. Хороший мастер сразу заметит вмешательство. Мои навыки в иллюзиях ковались под руководством Юхи Куренай, и я смею надеяться, что превзошел учителя. Моя реакция на любую ментальную атаку отточена до автоматизма: первый шаг — развеять, второй — нанести ответный удар. Против легилименции Дамблдора я сработал так же. Меньше секунды ушло на то, чтобы заблокировать чужую магию и наложить в ответ морок. Директор продолжал мило улыбаться, уверенный, что просматривает мои настоящие воспоминания.

Я посмотрел на него. Я смотрел холодно и дерзко, почти зловеще усмехнулся.

— До свидания, директор Дамблдор.

Не дожидаясь ответа, я поднялся и вышел.

Наступили рождественские каникулы. Драко звал меня в Малфой-мэнор, но я отказался — это был идеальный шанс пробраться на четвертый этаж за Философским камнем. Драко огорчился, но, взяв с меня обещание принять его подарок, укатил на «Хогвартс-экспрессе».

В сочельник всю ночь валил снег. Мир утонул в белизне, и к утру сугробы лежали плотным слоем — в Конохе такого не увидишь. В Стране Огня климат мягкий, даже в разгар зимы подобных метелей не случается. Организм ниндзя не боится холода, но, чтобы не кутаться в тяжелые свитера, я всё же наложил на одежду согревающие чары. В Слизерине я остался один. В Равенкло и Хаффлпаффе тоже почти никого не было, зато Гриффиндор остался чуть ли не в полном составе. Гермиона из «золотого треугольника» уехала домой, а Гарри, не желая видеть семейство Дурслей, остался. Четверо братьев Уизли тоже никуда не поехали.

Несмотря на то что замок почти опустел, столы ломились от праздничных яств. Вместо четырех длинных рядов в Большом зале теперь стоял один общий стол. Я оказался единственным, кому не с кем было перемолвиться словечком, и со стороны моё одиночество выглядело, должно быть, вызывающе. С тех пор как мы с Драко сблизились, Гарри и остальные стали держаться отчужденно. Пока я резал стейк, Поттер несколько раз нерешительно посмотрел на меня, но в итоге всё же втянулся в общую суету с Роном и близнецами. Даже Дамблдор со своим приторным радушием, поднявший за меня кубок, не смог развеять эту атмосферу отчуждения.

Но стоило мне отложить приборы, как тишина взорвалась. Рядом появились Кровавый Барон с его вечно остекленевшим взглядом и Пивз, вопреки обыкновению выглядевший не столько вредным, сколько пристыженным. Полтергейст прижимал к груди охапку ярких волшебных хлопушек — видимо, остатки вчерашнего пира.

— Тебя вчера не было, — монотонно проскрипел Барон.

Я виновато улыбнулся, чуть склонив голову набок:

— Простите, были дела.

На самом деле я всё Рождество просидел в спальне. Всему виной фраза близнецов Уизли, брошенная в коридоре: «Рождество — это время, когда вся семья собирается вместе». На одиннадцатый год после ухода из своего мира я до безумия тосковал по тем людям. По своим наставникам, студентам, ученикам... и по нему.

На мгновение я слабо и беспомощно улыбнулся. Только Снейп, сидевший по диагонали, заметил это мимолетное выражение боли. Он тут же опустил голову, сосредоточенно ковыряя брокколи. Интересно, о чем он подумал в этот момент?

Пивз протянул мне ворох хлопушек, а Барон жестом предложил выбрать одну. Я удивленно посмотрел. Мне?

— Ну, ты берешь или как? — проворчал Пивз, кривя лицо. — Вообще-то мне жалко их отдавать.

Я не рассердился на его жадность. Напротив, коротко рассмеялся и вытянул золотистую хлопушку — цвета его глаз. Раздался грохот, похожий на пушечный выстрел, и стол заволочло

синим дымом. Оттуда выскочило несколько белых мышей, а россыпь ярких звездочек, словно крошечные фейерверки, несколько раз облетела зал, прежде чем погаснуть.

— Господин Барон, а вы, оказывается, человек доброй души, — я прищурился, и моя улыбка на миг затмила зимнее солнце за окном. — И Пивз тоже.

Барон остался бесстрастен, а Пивз лишь невнятно хмыкнул под нос.

Той же ночью я снова отправился на вылазку. В пустом безмолвном замке, поглощенном тьмой, я, как ни странно, чувствовал себя в полной безопасности. В коридоре раздались торопливые шаги. Я не стал скрываться, лишь накинул технику невидимости и последовал за звуком. Петляя по переходам, мы оказались в заброшенном классе. Вдоль стен громоздились темные силуэты парт и стульев, в углу валялась перевернутая корзина для бумаг.

В центре, прямо напротив двери, стояло величественное зеркало. Оно упиралось верхушкой в самый потолок. Роскошную золотую раму поддерживали две подставки в форме когтистых лап, а поверху шла надпись:

«Erised stra ehru aitubi kafru ait on wohs»

«Я показываю не ваше лицо, но желание вашего сердца».

Послышался шорох мантии — Гарри и Рон подошли к зеркалу. Гарри пытался показать другу своих родителей, но Рон видел лишь себя, ставшего старостой школы и капитаном команды по квиддичу. Вскоре какой-то шум в коридоре спугнул их, и они поспешно ретировались.

Я остался. Под техникой невидимости даже миссис Норрис не могла меня учуять. Когда всё стихло, я подошел ближе. Зеркало отражало пустой класс за моей спиной. Я развеял технику, и в серебристой глади появилось моё отражение. В тот же миг фон за моей спиной начал стремительно меняться.

У меня перехватило дыхание. Сердце пропустило удар.

Весь лес утопал в цветущей сакуре. Розовые лепестки осыпались на землю мягким, кружащимся вихрем. А за ними, в кольце деревьев, стояло старое поместье Хатаке — приземистое, уютное здание в традиционном японском стиле. Это был Западный лес. Это был мой дом. Место, каждый уголок которого я мог описать с закрытыми глазами.

Гин сидел на толстой ветви сакуры, застыв со своей вечной лисьей ухмылкой. Внизу, почтительно склонив голову, стоял Кабуто — спокойный и невозмутимый. Наруто, удирающий от рассерженной Сакуры, влетел в кадр, пока та не поймала его за ухо, а Сай лишь сочувственно наблюдал за ними со стороны.

Ворота поместья скрипнули, и на порог вышел мужчина с длинными черными волосами. На его лице больше не было фиолетовых теней — он смыл их давным-давно.

— Орочимару... — я коснулся холодного стекла. Ледяная поверхность напомнила мне, что всё это — лишь иллюзия. — Наруто, Сакура, Сай, Гин, Кабуто...

Я прижался лицом к зеркалу, отчаянно пытаюсь сократить расстояние, преодолеть невидимую преграду. Я хотел к ним. Я хотел домой. В тот мир, которому я принадлежал! Я задыхался от слез и рыдал беззвучно, содрогаясь всем телом. Колени подогнулись, и я медленно сполз на жесткий пол. Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, словно пытаюсь удержать тени внутри зеркала.

— Верните меня... я раскаиваюсь...

Моё сокровенное желание? То, что я искал тысячу лет. Тепло, которое я наконец обрел, дом, который я нашел — и который сам же отринул. К черту Код, к черту бессмертие и это чужое тело Хатаке Какаши. Пусть все узнают правду, пусть я буду разоблачен — плевать. Лишь бы снова оказаться там. В том мире.

<http://bllate.org/book/17409/1661999>